

Представлено интервью с Владимиром Николаевичем Банитом, в конце 60-х – начале 70-х работавшим в Иркутскгражданпроекте. В интервью В. Н. Банит делится своими воспоминаниями о годах учебы в МАРХИ, о работе в качестве главного архитектора проекта иркутского Академгородка, о годах жизни в Иркутске и взаимоотношениях с иркутскими архитекторами.

Ключевые слова: МАРХИ; градостроительство; Восточно-Сибирский научный центр; Иркутскгражданпроект; иркутский Академгородок. /

The interview was held with Vladimir Nikolaevich Banit, who worked in the late 1960s – early 1970s in Irkutskgrazhdanproject. In his interview, V. N. Banit shares his memoirs about the years of studying at MArchI, working as an architect as project manager on Academgorodok in Irkutsk, living in Irkutsk and collaborating with Irkutsk architects.

Keywords: MArchI; town planning; East-Siberian Scientific Center; Irkutskgrazhdanproject; Irkutsk Academgorodok.

Интервью с Владимиром Банитом / Interview with Vladimir Banit

^ Владимир Банит, фото
Кристины Киссер для
ktogorod.ru

На протяжении всего своего существования ПБ ведет изыскания по безымянной архитектуре советского модернизма, возвращая ей имена авторов, и рассказывает о замечательном поколении шестидесятников, работавших в Иркутске. В ПБ39–40, вышедшем в свет в начале 2014 года, мы собрали антологию иркутских шестидесятников. Однако она оказалась неполной. Наш новый автор, блогер, исследователь архитектуры советского модернизма, студент МГУ Константин Антипин разыскал в наукограде Троицке, который сейчас входит в состав Москвы, архитектора Владимира Николаевича Банита. Владимир Банит работал в Иркутскгражданпроекте в конце 60-х – начале 70-х по распределению после окончания МАРХИ. Проект иркутского Академгородка, над которым он в течение этих лет работал в нашем городе, повлиял на дальнейшую судьбу архитектора.

ЕГ

Константин Антипин Вы поступили в МАРХИ в начале 1960-х. С кем вы общались там, как это на вас повлияло? Застали ли вы движение НЭР?

Владимир Банит В архитектурном институте была в то время очень позитивная творческая атмосфера и благодаря НЭРу, и благодаря тому, что Лежава уже преподавал на кафедре градостроительства. НЭР был интересным движением архитектурной и градостроительной науки. В него входили десятки не только архитекторов, но и социологов, философов, специалистов других областей. Это такая теоретическая философия архитектуры, влияющая на профессию и раскрывающая ее фундаментально-научное значение. Это сказывалось и на атмосфере в институте в целом. Я к НЭРу приобщился через личное знакомство с Лежавой.

В то время было три направления обучения – градостроительство, архитектура общественных и жилых зданий и промышленная архитектура, потом возникли некоторые другие. То же было в аспирантуре в какой-то мере, в которой при мне уже были представители НЭРа. И Лежава, будучи очень общительным и коммуникабельным человеком, много нам обо всем рассказывал – для студентов это кладезь, когда есть такие доценты,

профессора. Он стал и проректором института впоследствии. Также часто приходил в институт и Гутнов.

Константин Афанасьевич Иванов – теоретик архитектуры – был мотором для студентов: поднимал нас с уровня обычного учебного процесса тех лет к уровню периода авангарда 1920-х годов, когда наш институт имел мировое значение в области развития науки градостроительства, дизайна и живописи. Иван Сергеевич Николаев, тоже авангардист, крупный архитектор и градостроитель 20-х годов, спроектировавший уникальный объект – дом-коммуна в районе Донского монастыря. Но заслуга Ивана Сергеевича в том, что он своих коллег профессоров, докторов наук и просто опытных архитекторов привлек в институт. Потому что когда Жолтовский был ректором института, он проводил политику такого неоклассицизма, господствовала профессура эклектиков. В этом ничего плохого не было, так объективно развивалась эта среда архитектуры.

КА Однако с конца 1940-х Жолтовского стали обвинять в формализме и жестко критиковать в том числе его бывшие «друзья».

ВБ Я считаю, что так нельзя поступать, потому что у него в этом направлении заслуги серьезные, он никогда не был апологетом эклектики, направление его было – возвращение классического стиля, ренессанса. Если говорить об университете, который проектировали Руднев и Олтаржевский, то Руднев уже в тот мир ушел, когда мы учились, а Олтаржевский преподавал на кафедре ЖОЗ – жилищных и общественных зданий. Такой скромный архитектор, на ВДНХ тоже его замыслы серьезные. Еще из авангарда был профессор Симонов, очень успешно в 1920-е годы строивший в Петербурге. Его Тракторная улица там – целый фрагмент интересного градостроительства в Петербурге. Затем более молодые архитекторы – это Леонид Павлов, он в Моспроекте-2 был руководителем проектной мастерской и придерживался стиля авангард. Мы с ним проводили совместные круглые столы, я его лично много раз приглашал. Он открыл нам Леонидова, потому что Леонидов – выдающийся архитектор, при этом совершенно неочтенный. Но Павлов говорил, что Леонидов был явлением высочайшего интеллекта.

< Научно-учебный комплекс в Иркутске.
Архив В. Ф. Буха

КА Павлов считал его своей творческой совестью.

ВБ Мы специально устраивали по Ивану Леонидову дискуссию, а Леонид Павлов и Павел Александров доносили его идеи, потому что были его друзьями. И у нас создавалась атмосфера поиска в институте. Кроме того, мы выходили и на другие территории, слушали лекции по кибернетике. Я еще в Институт народного хозяйства приходил на мероприятия по социологии и экономике.

В это же время разрабатывался генеральный план Москвы, и в нашем институте шли его обсуждения. То есть институт и наша профессура непосредственно были причастны к разработке. Выступали высококлассные специалисты, такие как Павлов и другие градостроители, были интересные моменты на завершающей стадии. Архитектор Посохин очень внимательно относился к Николаеву и доверял нашему институту, так что ему было важно знать мнение нашей профессуры. А нам как студентам и аспирантам, когда мы в аудитории смотрели на все эти процессы, это было особенно ценно – наблюдать за работой над таким гигантским градостроительным объектом. Послушать дискуссии, комментарии оппонентов. По каждому из направлений рассматривались различные варианты, не только окончательные решения. Обсуждали, почему каждый из них принимается или не принимается. В общем, мы, может, находясь там, и не придавали такого большого значения, но уже со временем понимаешь, что на тебя повлиял не только непосредственно учебный процесс, профессора и преподаватели, но и вся эта атмосфера и вовлеченность студентов, благодаря таким событиям, в реальные масштабные процессы проектирования.

КА Вы закончили МАРХИ в 1968 году. После этого вас куда-то распределили?

ВБ У меня было немного льготное распределение, потому что я был на хорошем счету. Предложили Ростов-на-Дону, Волгоград и еще один-два варианта. Также был запрос из ЦК Украины, прорабатывался вариант распределения в Мариуполь (тогда город назывался Жданов). Предложение было серьезным, но в Госплане СССР сказали, что согласны только в том случае, если Украина даст вместо меня своего архитектора на наше

распределение. Я мог уехать, но будучи достаточно корректным и дисциплинированным решил отдать должное тому, что учился в Москве, в Российской Федерации, и поступить по справедливости. В это время, когда на кафедре мы уже готовили дипломный проект, сидели над чертежами, ко мне подошел генеральный директор института «Иркутскгражданпроект» Борис Израилевич Рабей. В Госстрое ему сказали, что я еще не распределен и можно со мной договариваться. И он говорит: «Знаю, предложения у вас весомые... Я вам дать таких не могу. Но Иркутск интересный город, и у меня есть желание обновить институт, пригласив молодых инженеров и архитекторов». Я отвечаю: «Борис Израилевич, разрешите сделать паузу и дать ответ, когда вам будет удобно». А он был в командировке, поэтому ответил, что придет завтра. Я пошел в нашу библиотеку, поднял литературу по Иркутску, и город мне сразу понравился. На следующий день я дал добро. Борис Израилевич пообещал должность старшего архитектора и оклад 140 рублей. Я получил распределение в Иркутск в Госстрое и в конце августа поехал туда поездом. Мог и самолетом, но хотелось почувствовать расстояние от Москвы до Восточной Сибири.

Дальше у меня были достаточно успешные четыре года занятости в архитектуре, очень стремительный, сравнительно с другими местами, рост: старший архитектор, руководитель группы архитекторов и главный архитектор проекта – это уже для архитектора самый важный горизонт. Выше – это уже чиновник или больше администратор. А главный архитектор и главный инженер проекта, как в любой другой области, как главный конструктор в авиастроении или кораблестроении. Это ключевая должность, очень ответственная, но, с другой стороны, требующая хорошей подготовки. Обычно до этой должности растут с окончания института 12-15 лет. Некоторые не успевают.

Через год, то есть в конце 1969 – начале 1970 года, я вышел на проектирование Восточно-Сибирского научного центра Иркутска. Руководитель проектной мастерской номер 1 Сергей Андреевич Гусаров мне способствовал, создал хорошие условия для работы и другими объектами не грузил, потому что этот он считал престижным и очень важным для города. Я им занимался практи-

> Наукоград Троицк,
микрорайон Б – макет

чески три года: завершил проект где-то в конце 1972-го, года полтора еще потратил на его усовершенствование. Мы сделали такой интегральный проект – научно-учебный и экспериментальный комплекс Восточно-Сибирского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР.

КА Но ведь тогда еще не было Академического моста?

ВБ Мост в своем проекте я всегда показывал. В то же время разрабатывался генеральный план Иркутска, на котором мост также уже присутствовал.

Я горд, что все это случилось, и здесь не произошло диверсий, которые часто случаются в градостроительстве. Потому что это сложнейшая область и науки, и техники, и технологии, и собственно строительства, в которой очень мало специалистов, способных удержать ситуацию под контролем. Очень большие поползновения разного рода. К ним надо быть готовым и надо уметь сопротивляться, если хочешь, например, отстоять градостроительство определенного объекта, который сделан, согласован и утвержден. Поэтому для научно-учебного комплекса я нашел поддержку и в Академии наук, и в университете. Также в этом комплексе мы предусматривали промышленную зону с наукоемким производством. А посередине между Академгородком и Студгородком я предлагал такой общественный центр с домом ученых и библиотекой.

Еще очень важно, что этот крупный научный университетский и экспериментальный комплекс находится непосредственно в Иркутске, он не оторван, как было модно в те годы искать территории на отдалении от города. Я и сегодня считаю, что это направление более прогрессивное, чем, допустим, отрывать научный центр от города на 20-30 км и делать резервацию привилегированных граждан. Им там скучно, потому что Иркутск – это театры, библиотеки, рестораны, учебные заведения для детей, а оторванный научный центр за десятки километров не имеет такой комфортной среды. И это настоящая среда для развития, для применения своих способностей: можно не только пользоваться городом, но и применить себя в нем.

О своем проекте вместе с представителем областной плановой комиссии мы опубликовали большую статью

в «Правде». Это дало нам возможность упрочить свои позиции в отношениях с местной властью. Обстановка была крайне перспективная, но по завершении этой стадии проектирования я был вынужден уехать в Москву. Моя жена училась в Московском архитектурном институте и не была согласна распределяться и ехать жить в Иркутск. У нас уже родился сын, так что я принял решение перебраться в Москву. Мне, конечно, говорили, что я создал в Иркутске для себя хорошие перспективы, работал над интересными объектами... А там в Москве кто – там пауки в банке, и была совершенно другая обстановка.

КА Да, в Иркутскгражданпроекте тогда очень много таких талантливых архитекторов работало...

ВБ Воронежский...

КА Он поехал в Пущино в 1970 году, но успел создать «Байкальский луч». В этом проекте как раз произошла диверсия, там вторая очередь – самая важная, но ее территорию застроили коттеджами. Это абсолютно бездарное решение мэрии. Это один из наибольших отрицательных моментов для Иркутска, потому что очень много там позитива и очень высокая дисциплина градостроительства, но это исключение из правил, где архитекторы не смогли. Я считаю, что это ответственность главного архитектора города, мэра города и даже ответственность Иркутскгражданпроекта, который тоже проявил определенную бесхребетность в этом проекте. Я занимался этим делом и знаю изнутри, чего это стоит. Но в целом, если говорить об Иркутске, это очень важный, многоотраслевой и научный, и вузовский, и промышленный, и такой культурный город.

Архитектура Владимира Павлова, выдающегося архитектора, – это блеск. Она сильно повлияла на дальнейшее градостроительство Иркутска, хотя и Павлов уехал, и Воронежский уехал, я тоже уехал.

КА Насколько общение с Воронежским и Павловым повлияло на вас?

ВБ Мы были практически ровесники, но они раньше окончили институты. Павлов – Ленинградскую академию художеств, архитектурный факультет, а Воронежский –

Московский архитектурный институт. В Иркутск я приехал в должности старшего архитектора – эта позиция чуть лучше стартовой для выпускника. Через год я стал руководителем группы, а еще через полгода директор назначил меня главным архитектором проекта. Он оценил уровень моего градостроительства и умение руководить проектом: сопротивляться, проводить проект – это главное, что должен уметь ГАП: ответить «за всю Одессу».

В целом атмосфера была очень позитивная, свободная, непринужденная. У нас были уважительные отношения, не было моментов, которые бы не позволяли нам успешно заниматься проектами в институте и выкладываться на полную мощь. Кто на сколько мог, на столько себя и проявлял. Были постоянные технические, архитектурные советы, которые собирал генеральный директор или главный архитектор института, по любым важным объектам не обходилось без таких совещаний. И на этих разборах проектов не было стеснения, не было такого, что боялись что-то сказать, чтобы не обидеть. Воронежский, я, Павлов, Немишев, Кривьянский – все были близки друг другу, разница в возрасте была небольшой. Бух, ставший впоследствии главным архитектором города, в мое время был главным инженером института и совещал должность главного архитектора института. По своему характеру был очень осторожным и уважительным руководителем для архитекторов. С его стороны не было давления, такого чиновничьего, что было крайне важно, – мы были в этом отношении счастливыми.

КА Однако многие архитекторы покидали Иркутск. Незадолго до вас, в 1970 году, Вячеслав Воронежский с Валерией Аптекман уезжают в Пушино.

ВБ Немишев уезжает. Ну вот уезжают они... часть в Кишинев уехали на время, часть в Москву. Кроме того, архитектор Нечволодов уехал потом в Прибалтику, в Таллин. И он там, были слухи, занялся больше скульптурой, чем архитектурой и проектированием. Но в то же время из Новосибирска к нам распределились Григорьев, Нечитайло, еще интересный архитектор Соколов, но он был дизайнером – из Академии художеств (Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина). У него интересные картины были, и он занимался таким проектным дизайном в нашем институте. Для меня очень важно, что в Иркутске у нас были такие неформальные встречи – дни рождения, Новый год, совместный туризм очень был развит, выезжали вместе на Байкал.

В архитектурной среде очень важное в то время было направление сохранения исторической среды города, потому что в Иркутске много было зданий изношенных и даже разваливавшихся, особенно плоха была деревянная архитектура. И здесь наш институт «Иркутскграждпроект», архитекторы Аптекман, Григорьев и другие очень внимательно начали встраивать свои проекты в эту архитектурную среду. Особенно Павлов, выполняя свои объекты в новом выразительном стиле, мастерски вписывался в историзм Иркутска, его масштаб. Я считаю, что наибольшее влияние на эти решения оказал Павлов.

И еще важно, что относится к руководству градостроительства Иркутска и области: должности главных архитекторов при мне занимали Виктор Шматов и до него Борис Михайлович Кербель. Они были крайне внимательны к архитектуре и архитекторам. Не было какого-то указующего давления на архитекторов. Не всегда проекты выходили удачными, но их оценки и советы были настолько тактичными, что воспринимались безболезненно. Легко было принять их рекомендации, которые носили осторожный характер. Допустим, Кербель мне говорит: «Володя, поедем посмотрим твой район» (там у нас должна была пройти встреча с руководством научного центра). И по дороге в «Волге» он мне

так говорит: «Будь с ними осторожен, обходителен, у тебя такой характер железный – им не нравится...» Так что он меня воспитывал, как отец сына, разница в возрасте у нас примерно такая была. Говорил, что очень важно найти с ними контакт и сделать их своими союзниками. И такие рекомендации срабатывали.

Ученые очень переживали по поводу проекта, но с ними всегда возникало здоровое обсуждение. Не было никаких резких возражений. Они хотели, чтобы было жилье, а я отстаивал свое направление. В результате удалось их убедить. Ученые оценили развитие научного центра, его интеграцию с университетом, Политехническим институтом и перспективу появления экспериментального производства. Я бы сказал, что эта концепция была для того времени и остается сегодня очень успешной. Все руководство Иркутска: и главный архитектор города, и области, и мэр города, и партийные организации – все они были одержимы этим прогрессом. Но для того, чтобы этого добиться, я обошел много кабинетов и поговорил с огромным числом людей в них. А однажды нам даже устроили серьезную головомойку. Однако вскоре в «Правде» вышла моя статья по развитию научного центра в четверть разворота. В то время это было как указание на места. Через неделю позвонил первый секретарь и говорит: «Мне позвонил директор нашего института академического и он говорит, что должен рассмотреть проект у себя на секретариате». В итоге я докладываю о концепции и основных положениях проекта уже на секретариате обкома партии – все это благодаря той статье. В дальнейшем все моменты срабатывали по инерции.

КА Но ведь проект в итоге не реализовали?

ВБ Нет, он реализован в той части, в какой было возможно. Важно воплощение не столько конкретики, сколько общей концепции, потому что конкретика по прошествии времени становится неактуальной. Потому что для эффективности нужны новые решения. За 20-30 лет появляются другие технологии, другие требования к науке и производству, промышленности, социологии, жилью, общественным центрам, школам, детским садам. В то же время заложенная общая структура, задающая направление развития, остается важной и актуальной.

После возвращения в Москву Владимир Николаевич начал работать в ГИПРОНИИ АН СССР, вскоре возглавил мастерскую № 11 этого института, располагавшуюся в подмосковном научном центре Троицке и занимавшуюся его проектированием. Под руководством архитектора были созданы генеральный план города, проекты застройки его микрорайонов, а также отдельные объекты: экспериментальная школа, больница, общественно-культурный центр [1].

Литература

1. Владимир Банит. Человек, который спроектировал Троицк // КТО ТВОЙ ГОРОД. – URL: <http://ktogorod.ru/view-banit> (дата обращения: 20.02.2020).
2. Бух В. Сигнал в будущее // Проект Байкал. – 2005. – N 2. – С. 9.

References

- Bukh, V. (2005). Signal v budushchee [A signal to the future]. Project Baikal, 2(2), 9. doi: 10.7480/projectbaikal.2
- Vladimir Banit. Chelovek, kotoryi sproektiroval Troitsk [Vladimir Banit. A man who designed Troitsk] (n. d.). Kto tvoi gorod. Retrieved February 20, 2020 from <http://ktogorod.ru/view-banit>